

УДК 332.1

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРСКИХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В свете новых тенденций 2022 года (Специальная Военная Операция и непрерывная цепь вводимых против России санкций со стороны США и их союзников) рассматривается ответ на новый геополитический вызов и необходимость мобилизации ресурсного потенциала сибирских и дальневосточных регионов. Предложена новая концепция инновационно-мобилизационного фактора, ориентированная на максимальное использование ресурсного потенциала восточных регионов России на ближайшие 10-15 лет (2023-2038 гг.).

Ключевые слова: ресурсы, Сибирь, Дальний Восток, мобилизационная экономика, экотехнополис, глобализация.

В свете новых тенденций 2022 года (Специальная Военная Операция и непрерывная цепь вводимых против России санкций со стороны США и их союзников) мы рассматриваем полувековой период развития экономики СССР и Российской Федерации в контексте ответа на новый геополитический вызов и необходимость мобилизации ресурсного потенциала сибирских и дальневосточных регионов.

Для более адекватной ориентации по тексту, предлагаем следующую периодизацию, отражающую особенности развития советской и российской экономики.

1973-2023 гг. рассматриваемый нами исторический отрезок (эпоха):

1. 1973-1985 гг. - период «застойного» развития.
2. 1985-1988 гг. – так называемая «перестройка».
3. 1989-1991 гг. – геополитический и экономический развал СССР.
4. 1992-1999 гг. – либеральные рыночные реформы и «дикий капитализм».
5. 2000-2008 гг. – период интенсивного восстановления российской экономики.

6. 2009-2014 гг. – кризисные явления в западной экономике и начало геополитической трансформации.

7. 2014-2019 гг. – изменение внешнеэкономической ситуации и интенсивный вывоз капитала из России.

8. 2020-2023 гг. Открытое противодействие США и ЕС развитию российских экономических проектов, и новая экономико-геополитическая ситуация.

Отталкиваясь от систематики ресурсов, предложенной Н.Ф. Реймерсом [11], мы рассматриваем ресурсы как любые источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях, уделяя преимущественное влияние антропоэкологическим, интегральным, информационным, трудовым ресурсам и человеческому потенциалу регионов.

Также, в данном случае, при рассмотрении ресурсного потенциала регионов мы отталкиваемся от концепции, предложенной Б.М. Ишмуратовым [1, 2]. Кратко её основные положения звучат следующим образом (по нашему субъективному разумению).

1. Переход экономики России на рыночные отношения, совпадающий с преобразованием традиционных принципов экономического районирования, требует формирования новых концепций развития производительных сил важнейших регионов страны – особенно актуальна задача переосмысления достижений и недостатков предыдущего развития и поиска путей выхода на современные нормы социально и экономически эффективного освоения накопленного потенциала для Сибири и входящих в её состав республик, краев и областей.

2. Красноярский край по структуре и масштабам своих природных ресурсов, уровню развития промышленности и сельского хозяйства, по ряду показателей значительно превосходит Иркутскую область. Потенциальные ресурсы Якутии огромны, они сопоставимы скорее с любым континентом.

3. Все восточные и северные соседи Иркутской области, включая регионы Дальнего Востока, имеют очевидные слабости в экономике, отличаются низкой освоенностью территорий, ресурсо-ориентированной промышленностью, меньшей заселенностью, менее развитой структурой занятий населения. Ориентация на снабжение восточных, северных и южных соседей, во всей полосе от Якутии до Монголии включительно, должна составлять одну из центральных задач хозяйственного комплекса Иркутской области. У этих регионов нет и не может в ближайшие 15-20 лет быть более близкой базы для получения изделий промышленности строительных материалов, разнообразных композитов и других изделий химической промышленности, горюче-смазочных материалов, продукции глубокой переработки древесины, даже электроэнергии.

4. Геополитическая роль выполнения этой функции вообще не поддается исчислению и имеет судьбоносное для будущего России значение. Выполнение этой роли практически совпадает с мероприятиями по закреплению обширных территорий за Россией в обстановке надвигающегося обострения споров и конфликтов, неизбежных при продолжении демографического взрыва, обострения продовольственной и экологической проблем в сопредельных регионах Южной и Восточной Азии [1].

5. Осмысление недостатков и достижений предстоящего развития уже началось и на уровне отдельных предприятий, городов, и на уровне областей и Федерации в целом. Иркутская область далеко еще не исчерпала возможностей эффективного использования своих богатых природных ресурсов, а использование ресурсов её уникального положения – в центре Азии, на стыке главных мировых хозяйственно-культурных и физико-географических природных зон – еще вообще не начиналось, оно просто отсутствует в структуре её производительных сил. Именно выгоды её центрального (в глобальном масштабе) положения помогут ей уверенно

войти в новое тысячелетие на волне постиндустриальных, информационных технологий [2].

Разумеется, необходимо ввести, как минимум, две поправки.

1. Со времени появления этой экономико-географической концепции прошло почти 30 лет и ситуация в ряде моментов существенно изменилась. Взять хотя бы один фактор – развитие российско-китайских торгово-экономических отношений.

2. Ситуация сибирских и дальневосточных регионов оценивается с позиции центрального положения Иркутской области. При взгляде из Красноярска, Якутска или Хабаровска – мы будем иметь по ряду социально-экономических компонентов, весьма вероятно, совсем другую картину. Характерный пример – концепция развития Байкальского и Дальневосточного регионов 2007 года, подготовленного Министерством развития регионов [13].

Но если подходить объективно, то на 70-80% концепция Ишмуратова сохраняет свое значение и актуальность даже в 2022 году.

Главный аргумент против таких «устаревших концепций» (как их классифицируют сторонники тотальной цифровизации) заключается в том, что «в пылу борьбы за переход к «спасительному» рынку и устранению командно-административной системы, мы выпустили из поля своего зрения требования информационной революции, модернизации нашей экономики и общества» [14].

Надо сказать, что в первые десятилетия XXI века Российская Федерация активно развивала информационную экономику, особенно после 2014 года, и добилась в ряде направлений существенных успехов. Но это вовсе не значит, что произошла полная цифровизация и у нас уже нет индустриальной экономики и отдельных элементов доиндустриальной. И, тем более, это не значит, что законы индустриальной и доиндустриальной экономики перестали работать и вся наша экономика, и вся жизнь нашей страны пребывает в виртуальном, цифровом пространстве.

Более того, до настоящего времени «обменные процессы между Российской Федерацией и окружающим миром носят принципиально неэквивалентный характер: мы обмениваем стратегические (невозобновимые) ресурсы на бумажные деньги, имеющие сомнительную ценность» [16].

Исходя из вышеперечисленных моментов, продолжим концептуализацию ресурсного потенциала регионов Восточной части РФ.

Как отмечает В.Н. Незамайкин: «Богатство России природными ресурсами, и в первую очередь их базовым элементом – земельными ресурсами – ставит её в уникальные геополитические условия, превращая Россию в резервную экологическую и ресурсную зону мирового значения. Кроме того, малозаселенные территории России уже в настоящее время представляют собой стратегический резерв общепланетарного значения» [8].

С этим определением трудно не согласиться, как и с последующим выводом: «Необходимо кардинальным образом поменять существующие в настоящее время ориентиры в использовании природных ресурсов страны, а также концепцию управления природными ресурсами. Природопользование должно быть максимально ориентировано на социально-экономический эффект» [8].

Далее В.Н. Незамайкиным предлагается «Стратегия развития природных ресурсов в Российской Федерации».

Что можно сказать по поводу такой концептуализации? Трудно припомнить какие-либо другие программы, проекты или концепции, где говорилось бы о минимизации социально-экономического эффекта, т.е. все говорят о максимизации. Но редко кто говорит о том, что он подразумевает под максимизацией и как это измерить?

И трудно понять, как «развивать природные ресурсы»? Понятно, что их можно исследовать, добывать, перерабатывать, но что значит «развитие природных ресурсов»?

Как можно развивать реку Лену или озеро Байкал или какое-нибудь месторождение железной руды? Здесь изначально закладывается путаница в исходные понятия и определения.

Развивать можно информационные или человеческие ресурсы...

Но трудно не согласиться с Н.В. Незамайкиным в том, что «глобализация будет иметь серьезный негативный эффект для развития регионов России, имеющих моноотраслевой характер экономики и находящихся в большой зависимости от мировой конъюнктуры» [8].

В последние 30-40 лет в научный оборот введено сложнообозримое число всевозможных понятий и терминов – и это совсем не безобидная ситуация – какой термин или какое понятие мы употребляем в планировании и экономической геополитике.

Например, для характеристики человеческого потенциала, кроме прочего, используется термин «биофизический потенциал» – «это жизненные ресурсы личности, её физический и психологический потенциал, рассматриваемые в контексте способности к созданию стоимости», - так объясняет это термин С.М. Климов [3].

Далее, биофизический капитал поясняется следующим образом: «Как бы мы не оценивали того или иного ученого, стареющий ученый – это стареющий ученый, теряющий былую работоспособность, остроту и ясность ума, все более склонный к забывчивости и т.д.» [3].

Очень любопытное пояснение. С точки зрения современной научной психологии – это полностью безграмотное объяснение, потому как в разных сферах науки – разный потенциал и скорость старения. А во-вторых, бездарный ученый в 25 лет, или талантливый и оригинальный ученый даже в 75 лет имеют совершенно разную ценность или научный коэффициент полезной деятельности. Из-за подобных малограмотных определений за последние 30 с лишним лет, мы потеряли безвозвратно массу крайне полезного научного потенциала, ориентируясь на принцип биофизического

омоложения науки. При параллельном процессе снижения качества высшего образования [10].

При этом совершенно некритично и огульно исповедуя принцип: ключевой кадровый ресурс инновационного развития – это последнее поколение, образованная молодежь, готовая рисковать и имеющая лучший доступ к информации и к новым формам коммуникации [5].

По целому ряду направлений это породило бурную имитацию научной деятельности под лозунгом «всеобщей цифровизации».

Но кто просчитывал потери от имитации, не достигающей искомого, реального уровня развития действительного потенциала страны?

Если два десятка лет тому назад было вполне допустимо говорить о том, что «перед современной Россией стоит задача догоняющей постиндустриализации, решение которой призвано создать общую основу для формирования стратегии социально-экономического прорыва», а также что «для современной организации основными неисчерпаемыми ресурсами являются люди и информация» [12]. То в настоящее время, в условиях 2022 года, когда мы стоим перед реальным выбором: либо сохранять сугубо ресурсно-сырьевую экономику, ориентированную по-преимуществу, на глобальный (в первую очередь - европейский) рынок, где постоянно вводятся новые санкции в отношении России и в любой момент может произойти кардинальное «перекрытие кислорода» для российской экономики, либо, не дожидаясь развития такого негативного сценария, переходить к новой мобилизационной экономике, ориентированной на развитие системного социально-экономического потенциала страны при сотрудничестве с новыми внешнеэкономическими партнерами, находящимися в основном в азиатской части континента.

И для начала необходимо признать, что как и 20 лет назад в широких кругах российской общественности (в первую очередь – в правительстве и бизнесе – А.В.) «до сих пор отсутствует адекватное восприятие потенциала Сибири и Дальнего Востока» [4].

В частности, понимание того, что «новая модель хозяйствования должна рассматриваться как в социокультурной, так и в биосферной системе координат» [4].

И если говорить откровенно, то почти всему населению этого российского макрорегиона (Сибирь и Дальний Восток) непонятен процесс стратегического планирования и развития региона. На вопрос: Кто мы? И куда мы идем? Многие жители макрорегиона не смогут (скорее всего) дать адекватный ответ. И такая ситуация вряд ли позволяет выстроить оптимальную и высокоэффективную социально-экономическую логику макрорегиона [9].

Последние 30 лет (и много ранее) постоянно говорится о том, что «в структуре национального богатства все большую роль начинает играть та его часть, которая формирует так называемый человеческий капитал» [7].

Тем не менее, на протяжении 30 последних лет часто игнорируется важнейший принцип «системы ценностей, которая позволяет мобилизовать эффективность использования человеческого фактора, творческих, интеллектуальных потенциалов каждого человека и нации в целом, особенно - в научно-технической политике» [6].

Почти никто не оспаривает того факта, что «эволюция интеллекта в современных условиях связана прежде всего с развитием информационной технологии» [15].

Но сведение эволюции интеллекта к чисто технологическим аспектам далеко не исчерпывает человеческого потенциала.

Отталкиваясь от вышеперечисленных тенденций: концепций и определений, предлагаем к рассмотрению новую концепцию инновационно-мобилизационного фактора, ориентированную на максимальное использование ресурсного потенциала восточных регионов России на ближайшие 10-15 лет (2023-2038 гг.).

Основные постулаты инновационно-мобилизационной концепции.

1. Доминирующее положение человеческих и информационных ресурсов в их синергетическом, культурном и научно-техническом многообразии.

2. Первичная роль в любом инновационном проекте человеческого потенциала. Реальная качественная инвентаризация наличного человеческого потенциала в виде перспективных баз данных, ориентированных на многоцелевое использование в условиях инновационно-мобилизационной экономики.

3. Создание во всех регионах Российской Федерации, и в первую очередь – в восточных, единой системы экотехнополисов, разноуровневой иерархии и специализации (экотехнополис – это не строительство академгородков, это, прежде всего, локальные и региональные «фабрики мысли», оснащенные современной информационной и функциональной инфраструктурой. Своего рода интеграторы инновационно-мобилизационных проектов в виде венчурных научно-технических фирм и предприятий).

4. Многосценарное моделирование системной логистики развития регионов на ближайшие 10-15 лет с учетом развития всей мировой глобальной системы (глобальной социотехноприродной системы).

5. Рассмотрение и детальный анализ концепций «экологического социализма», появившихся в России (СССР) в 80-90-е годы прошлого века как альтернативных «рыночному идолопоклонству». Пример: Китайская Народная республика вполне успешно сочетает принципы социализма, частного бизнеса и предпринимательства. Концепция «экологического социализма» может найти самый широкий отклик не только в Китае и Индии, но и во многих других странах, не входящих в «золотой миллиард».

6. Учитывая особую актуальность временного фактора, старт программы (концепции) инновационно-мобилизационной экономики реально осуществить уже в 2023 году (на основе 2-3 месячного «мозгового штурма» региональных и федеральных «фабрик мысли», определив исходным

эпицентром Байкальский регион (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край) и реальное формирование и запуск всей сети «экотехнополисов» (от Урала до Владивостока и Чукотки) в течение всего 2023 года.

7. Интегрирующие «фабрики мысли» должны быть независимы от ведомственных или частнообственнических интересов, а выполнять функции государственных мозговых центров инновационно-мобилизационного развития.

8. Региональный, федеральный и глобальный эффект деятельности системы экотехнополисов будет особенно значим уже в 2023-2025 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишмуратов Б.М. Экономика Иркутской области на рубеже веков // кн.: Природно-ресурсный потенциал Иркутской области . – Иркутск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 1998. – С. 39-50.

2. Ишмуратов Б.М. Экономико-географическое окружение области и долговременная стратегия её развития: геополитическая оценка природно-ресурсного и экономического потенциала // Природные ресурсы Иркутской области: современный взгляд. – Иркутск. 1993. С. 21-22

3. Климов С.М. Интеллектуальные ресурсы организации. – СПб.: ИВЭСЭП, «Знание», 2000. 168 с.

4. Материалы конференции «Байкал - мировое наследие. экономика, экология, инфраструктура, туризм» (в рамках Байкальского экономического форума) 22-24 августа 2001 года, г.Улан-Удэ, Республика Бурятия Аналитический вестник СФ ФС РФ. - № 1 (157).- М., 2002. – 75 с.

5. Мирский Э.М., Барботько Л.М., Войтов В.А. Кадровый потенциал инновационного развития // Научно-технические исследования. 2008 : Сб. научн.тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2008. С. 72-98.

6. Научно-техническая политика: проблемы формирования и реализации / Фонотов А.Г., Блохин А.А., Головков А.Л. и др. – М.: Наука. 1990. 191 с.

7. Национальное богатство в условиях формирования рыночных отношений / Бухвальд Е.М., Фальцман В.К., Нестеров Л.И. и др. – М.: Наука, 1994. – 192 с.

8. Незамайкин В.Н. Комплексное управление природными ресурсами территорий . – М.: Издательство «Экзамен», 2006. – 191 с.

9. Носов А.Л. Региональная логистика. – М.: Изд-во «Альфа-пресс», 2007. 168 с.

10. Ракитов А.И. Стратегия развития России и государственные приоритеты науки //Науковедческие исследования. 2008 : Сб. научн.тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2008. С. 4-31.

11. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.

12. Светник Т.В., Вепрова Р.Н. Стратегии и механизмы организационного развития: курс лекций / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Т.В. Светник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – 231 с.

13. Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Концепция министерства регионального развития РФ. – М., 2007. 45 с.

14. Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. – М.: Наука, 1996. – 206 с.

15. Цымбал Л.А. Синергетика информационных процессов. Закон информативности и его следствия. – М.: Наука. 1995. 119 с.

16. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 224 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

RESOURCE POTENTIAL OF THE SIBERIAN AND FAR EASTERN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF THE MOBILIZATION ECONOMY

In the light of new trends in 2022 (a special Military Operation and a continuous chain of sanctions imposed against Russia by the United States and its allies), the response to a new geopolitical challenge and the need to mobilize the resource potential of the Siberian and Far Eastern regions is being considered. A new concept of innovation-mobilization factor is proposed, focused on the maximum use of the resource potential of the eastern regions of Russia for the next 10-15 years (2023-2038).

Keywords: resources, Siberia, the Far East, mobilization economy, ecotechnopolis, globalization

Поступила в редакцию 28 декабря 2022